

Николай ЕРЕМЕНКО: “МЫ ТАК БЕЗДАРНО СЧАСТЛИВО ЖИЛИ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ!”

Курорт. - 1998. - 16 июля -
с. 32.

Когда-то девочки при его появлении чуть ли в обморок не падали. Еще бы, красавец Жюльен Сорель из телефильма “Красное и черное”! Началась же киносудьба Николая Еременко с картины “У озера”, где он впервые снялся у своего учителя Сергея Герасимова. И были обожаемые мальчишками “Пираты XX века”, “Горячий снег“, “Любить человека”, “Юность Петра”, “Трактир на Пятницкой”... Не столь давно Еременко попробовал себя в режиссуре: снял картину “Сын за отца”, в которой сыграл вместе с отцом Николаем Еременко-старшим.

— Николай Николаевич, на недостаток ролей не вам жаловаться. Почему потянуло на режиссуру, неужели только из желания поработать с отцом?

— Я мало снимался и искал всякие самооправдания. А отцу как раз семьдесят лет исполнилось, мы ни разу вместе не снимались — и я решил это исправить. Но весь мой энтузиазм с этим единственным опытом закончился: режиссура — другая профессия. Что хотел, я сделал — снял не высоколобое, а народное кино. Мои амбиции, если они и были, удовлетворены, картина получила призы на пяти фестивалях, а дальше испытывать судьбу не хочу. Я артист. Слава Богу, кино стало оживать — и я играю.

— К вашей фамилии надолго прилипла приставка “младший”. Постоянное сравнение с отцом не мешало жить?

— Я из “гнезда” вылетел рано, и мы с отцом шли разными актерскими дорогами. И потом, мы с ним как актеры абсолютно разные. Отношения у нас были сложные. Я ранний ребенок у молодых родителей, нищих театральных артистов. Родители занимались собой: у них любовь была сильная, спектакли, репетиции. Жили мы тогда в Витебске, я рос с бабушками и был дворовым мальчиком. Наше поколение — первое послевоенное, поэтому играли мы настоящим оружием, а не деревянным. У нас свои арсеналы были: на Западной Двине, на “погорелке” в разбитых домах находили немецкие карабины, даже в смазке, патроны. Милиция за нами гонялась, отбирала, а мы опять за свое. Так что детство было нескучное. Папа нервный был после четырех лет концлагерей: он попал в плен с остатками первой дивизии “катюш”, уничтоженных нашими же, чтоб немцам не достались. А я, когда вырос, поехал в Москву, поступил во ВГИК, стал столичным провинциалом. Мозгов еще не хватало, но понту было много — и папа его периодически снимал, когда я возвращался на каникулы в Минск, где родители тогда уже жили. Меня никто не заставлял стать артистом, никаких подталкиваний в попочку любимого чада не было. Хотя во ВГИК поступил по блату: сам попросил отца, чтобы он помог сначала, а там, если пойму, что я не на своем месте, уйду. Но Сергей Аполлинариевич Герасимов на экзаменах сказал, что сделает из меня артиста.

— Герасимов и определил вашу дальнейшую жизнь?

— Да, как Учитель с большой буквы. У каждого молодого человека должен быть в жизни учитель, а не просто педагог: он научит тому, чему даже отец научить не сможет. Герасимов кроме всего прочего учил размышлять, поэтому и говорил, что из любого умного человека может сделать артиста. Это не составляло для него труда. Как любой человек, который любит жизнь, он был великий грешник. А грешники — лучшие учителя: они знают, как не надо. Герасимов бывал и очень жестким, по молодости, по-моему, мог и кулаком двинуть, но в последнее время расправляться с врагами предпочитал интеллектом, что больше — мог “стукнуть” так, что мало не покажется. А меня он просто любил, я единственный ученик, который снялся у него в пяти картинах. Вообще, он меня хорошо вооружил для жизни, науки продолжались не только в аудиториях — мне, глубококому провинциалу, Герасимов мир показывал. В ту же Польшу брал меня с собой, там на стриптиз водил, от которого я балдел совершенно, таскал по министерствам, знакомил с Ежи Кавалеровичем. И это тоже была школа: меня учили, как вести себя с людьми, как разговаривать. Мы могли с Герасимовым сесть в поезде вдвоем в купе, взять бутылку коньяка, а то и не одну, выпить, закусить: профессор и студент, представляете? Там были главные лекции, таких в институте не

услышишь. Герасимов замечательные вещи говорил, уже красный после коньячка: “Вот идешь по жизни, несешь высоко свою умную красивую голову, не глядя под ноги. Да вдруг своим красивым лицом как врежешься в шлагбаум — и в кровь. Поэтому иногда надо смотреть под ноги и опускать головку ниже, чтобы пройти этот шлагбаум и идти дальше”.

— Вы всегда были примерным учеником?

— В институте много чего было — и безобразия, и хулиганства, и деканаты. Пройти общежитие ВГИКа — великое дело. Раз напились в общаге со страшной силой в очередной раз — с драками, битьем стекол, как положено. Вызвали милицию. Милиционер пришел, видит — все лежит, отрубился. Начал составлять протокол, спрашивает у того, кто еще фурычит: “А это кто?” — “А это Сережка”. — “Какой Сережка?” — “Эйзенштейн”. — “А это?” — “Это Пудовкин Севка лежит”. — “А это?” — “Это Грошев”. А Грошев — это наш ректор был. И потом “телега” пришла во ВГИК про то, что Эйзенштейн, Пудовкин, Грошев понабивали стекло и разбили морды кому-то. А однажды, тоже напившись — это тогда было перманентное состояние, — пошли вступительные экзамены в ГИТИС сдавать. И нас, перешедших уже на второй курс Герасимовской мастерской, не приняли! Домой я, конечно, в письмах-отчетах сообщал, что я

гениальный. И папа как-то приехал на меня полюбоваться. Герасимов пригласил его на занятия по мастерству — и тут пришел декан и зачитал про Еременко все, что он нашкодил. Отцу чуть плохо не стало. Так что случалось всякое, и Герасимов вечно нас спасал — меня, в частности.

— Имидж красавца переламывать приходилось?

— Конечно. Люди же предполагают, что актер со смазливой мордочкой должен быстро завершить свою карьеру. Как сказал, по-моему, Олег Борисов, “красавцы плохо кончают”. И когда говорили прежде всего о моей внешности, это очень мешало, злило, бесило. Думал: “Ну как же вы не можете рассмотреть, что у меня еще пара извилин есть?” Но я выбился из этой ситуации — терпением, выбором ролей. И доказал, что могу играть что-то совсем другое — в той же “Царской охоте”, например: там красоты и в помине нет — просто бандит! Сейчас вот первый раз в жизни снялся в комедии у Ивана Дыховичного с условным названием “Крестоносец-2”. Там я полный идиот, таких мерзавцев и кретинов еще никогда не играл! Получилась пародия на все, что делал раньше, на существующее представление обо мне как об артисте с гонором, высокомерном, заносчивом.

— Поклонницы вам жизнь осложняли?

— Они больше моей супруге мешали — ее доводили, над ней измывались. Они же жестокие, эти истерички: агрессивные, безапелляционные. Но, слава Богу, этот период в моей жизни кончился. Если у меня и есть поклонники, они люди нормальные. А истерички сейчас прыгают в дыму перед эстрадой. Все их интересы сейчас ушли туда, в область заниженных вкусов, критериев.

— Это задевает?

— Конечно, особенно когда видишь, как пустеют кинотеатры. Поймите, я не завидую новым эстрадным любимцам, пусть даже они хорошие, сытенские, богатые на глазах. Просто то, что они делают, во мне восторга не вызывает, а то, что эстрада, телевидение становятся властителями дум нового поколения, беспокоит. Противно наблюдать этот публичный “нерест”, который за гранью добра и зла. Любовь — это же святое слово, тайна двоих. А тут ею торгуют, превращают в коммерческую лавку. И ведь талантливые люди! Для меня сейчас святые вещи ругаются.

Во время последнего “Кинотавра” в Сочи.

— Сами в любви счастливы?

— Я не знаю, как определить счастье, особенно актерское. Актеры во многом — нелюди. Это как Тарковский говорил: “Что за люди, эти артисты, да и люди ли они?” Мне всегда очень смешно видеть артистов, которые сидят на передачах типа “Моя семья” и учат людей, как жить, советы дают. Всегда думаю: “И что ты здесь делаешь?” Семейное счастье определяется в итоге жизни, а на пути о нем трудно говорить. Вот мои родители прожили вместе жизнь, не развелись — значит, по нашим меркам, уже счастливы. У нас в таких случаях говорят: “Надо же, молодцы какие, вытерпели друг друга!” А как люди жили, никто не знает. Не думаю, что бывает однозначно безоблачное счастье. На него способны только идиоты или дебилы, которые так и не заметили, как жизнь прошла. Но я не жалуюсь. У меня умная жена, не актриса. Моей актерской свободе она не сопротивляется — это было бы нелепо, да я и не потерял бы. Наша дочка замужем уже. Она окончила Лингвистический институт имени Мориса Тореза, сейчас работает в какой-то туристической фирме, но замужество ее, по-моему, пока увлекает больше.

— Вы уверенно чувствуете себя в жизни?

— Я уверен в актерстве, в выборе ролей. Хотя недавно вдруг ошибся, интуиция подвела. Дмитрий Астрахан пригласил меня сняться в фильме “Контракт со смертью”. Я снялся один день, понял, что попал не туда, роль не моя, вернул деньги и отказался работать дальше. Видимо, наше смятенное время немножечко вырывает из колеи, делает тебя несколько суетным, растерянным чуть-чуть.

— Научились ладить со “смятенным” временем?

— До конца не научился, наверное. Люди моего поколения воспитаны приверженцами своей профессии, она для нас была настолько непререкаема и свята, что всякая измена ей казалась предательством. Мы привыкли, что свою чашу надо испить до конца, трудные времена — перетерпеть безо всяких уходов в бизнес и зарабатывать только тем делом, в котором ты мастер. И я не могу этим бросаться! Ну нет у меня коммерческого склада мышления. Меня трудно обмануть в творчестве, а вот в житейских делах — легко. Мы так бездарно счастливо жили в советском кинематографе, фактически бесплатно работали в нем, принося огромные доходы государству. Вспомнить хоть “Пиратов XX века”, которых посмотрело больше ста миллионов зрителей: тогда школы пустые были, в кинотеатрах двери разносили! А мне в этой картине ни за один трюк не заплатили. Можете представить, насколько беззаветными идиотами мы тогда были. Съемки шли физически трудные, опасные, но для нас они все равно были развлечением, удовольствием. Ну и самоутверждением, конечно. А считать деньги мы только сейчас начали учиться: заставляют жены, дети, перед которыми уже стыдно — они лучше умеют это делать. И нам, бесребреникам, тоже надо быть жестче, прагматичнее. Внутренне я этого так и не принимаю, но что-то уже могу: цену, например, теперь назначаю сам. И не стесняюсь при этом, хотя точно знаю, что мой папа, скажем, меня не поймет.

— Как ощущение от сегодняшней ситуации в кинематографе?

— Наш кинематограф стал оживать — и мы как-то все воспряли, взбодрились. Но вот я был на Открытом российском кинофестивале в Сочи — и радость от количества картин несколько померкла, когда увидел их качество. Конечно, кино выберется из ямы, никуда оно не денется. Меня немножко злит другое: делают фильмы люди мастеровитые, а ощущение от них, как от вулканов, изрыгающих вату. То ли это самоутверждение, то ли это желание услышать в тусовке: “Ты гений!”? Но когда страна в таком убожестве, в такой радости находится, кинематограф должен помогать людям выбраться. Почему американцы во времена Великой депрессии снимали “Большой вальс”? И почему мы тут, как импотенты, не хотим народу помочь отдохнуть от дряни хотя бы на экране? Не говорю, что мы должны делать какие-то агитки, “Окна РОСТА”, нет! Но можно же снимать такое кино, чтобы как-то легче было пережить эти смутные времена. Я же снимался тогда, когда были герои в кино, и я их играл. А сейчас героя нет, да и непонятно, кто им должен быть.

— А какого героя вам было бы интересно сейчас сыграть?

— Не знаю. Может, этого героя просто нет в наше безвременье? Уже третье поколение растет на “Пиратах XX века”. Больше ничего предложить не могут! Бицелсов-то и бычьих шей на экране много. В передаче “Тородок” была замечательная сценка, когда один говорит другому: “Ты знаешь, у него семь пулевых ранений в голову!” — “Убит?” — “Нет, мозг не задет”. Вот это про героя нашего времени.

— Но играть такого не хочется?

— Только в комедии!

Татьяна Исканцева.
Фото Бориса Кремера и ИТАР-ТАСС.